

О
ЖИЗНИ и ТРУДАХЪ
ГЕРОМОПАХА АШКИТА,
ВЪ
МІРЪ
К Н Я З Я
СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ШИХМАТОВА.

Читано въ Императорской Россійской
Академіи 29 Октября 1838 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи

1838.

Печатано по опредѣленію Императорской Россійской
Академіи.

**О жизни и трудах Иеромонаха
Аникита, въ міръ Князя Сергія
Александровича Шихматова.**

Угодна бѣ Господеву душа его:
сего ради потщася отъ среды лукавствія.
Прем. IV, 14.

Императорская Россійская Академія,
выслушавъ съ особеннымъ удовольствіемъ по-
мѣщенную прошедшаго года въ Одесскомъ
Вѣстникѣ краснорѣчивую статью, подъ загла-
віемъ: *Краткое извѣстіе о жизни и смерти
Иеромонаха Аникита* (1), пожелала видѣть жи-
знеописаніе сего, по многимъ отношеніямъ
замѣчательнаго, Члена своего болѣе полное,
и возложила на меня составленіе онаго.

Представляя этотъ трудъ во вниманіе
почтеннѣйшихъ Сочленовъ моихъ, считаю
нужнымъ предварить, что, не взирая на род-
ство и дружбу, соединявшія меня съ покой-
нымъ, я стараюсь въ повѣствованіи своемъ
сохранить совершенное безпристрастіе. Слѣ-

---

(1) Сж. Одесскій Вѣстникъ 1837 года, N 65.

дуя неуклонно за истинною, я не могъ однако не отдавать похвальнымъ подвигамъ заслуженной ими признательности, будучи побуждаемъ къ тому не столько уваженіемъ къ памяти утраченнаго нами Члена, сколько самымъ свойствомъ добродѣтели, которой красоту и сладость невозможно описывать безъ умиленія. Такъ прикоснувшись къ ароматамъ, нельзя не распространить благоуханія въ воздухъ, или, открывъ покровъ храмины, воспятить проникнуть въ нее свѣту солнечному. При всемъ томъ я надѣюсь, что Вы, Милостивые Государи, какъ строгіе и вмѣстѣ справедливые судьи, признаете и въ семъ случаѣ, что я не свѣлся съ лестно; да и кстати ли употреблять ненадежныя прикрасы нѣмысла, воздавая дань благодарности человѣку, который во всю жизнь свою чуждался лжи и ненавидѣлъ ее?

Приступая затѣмъ къ дѣлу, я буду говорить, во-первыхъ, о Князѣ Шихматовѣ, и во-вторыхъ, о Геромонахъ Аникитѣ.

Князь Сергій Александровичъ Шихматовъ родился 1783 года (2), Смоленской Губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ селѣ Дерновѣ. Отецъ его оставилъ военное поприще еще въ молодости и женился на дочери сосѣда, дѣвицѣ Іевлевой: оба они, служа живымъ примѣромъ благочестія и супружескаго согласія, внуша-

---

(2) Мѣсяцъ и день рожденія Кн. С. А. Шихматова не извѣстны.

ли сыну смиреніе и страхъ Божій съ ранняго дѣтства. Наученный грамотѣ, слѣдуя обычаю нашихъ предковъ, по часослову и псалтирю, отрокъ Сергій, отъ самыхъ юныхъ ногтей, употребляемъ былъ къ чтенію псалмовъ и молитвъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя, предъ всякимъ праздничнымъ днемъ, постоянно совершались въ дому родительскомъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, навывкалъ въ славословіи Всевышнему, а съ другой, непримѣтно знакомился съ неподражаемыми красотами нашихъ священныхъ и церковныхъ книгъ, выраженными сильнымъ и благозвучнымъ языкомъ Славянскимъ. Между тѣмъ онъ съ особенною легкостію обучался началамъ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, также общимъ приготовительнымъ наукамъ, обнаруживая необыкновенныя способности. Его острые слова и отвѣты не по дѣтамъ часто приводили въ изумленіе и учителя и родителей. При столь благопріятныхъ надеждахъ, едва Князь Сергій достигъ десятилѣтняго возраста, какъ имѣлъ несчастіе утратить нѣжнаго отца, и притомъ такимъ случаемъ, который оставилъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. 25 Сентября, на память преподобнаго Чудотворца Сергія Радонежскаго, котораго имя носилъ на себѣ юный Князь Шихматовъ, родители его отправились вмѣстѣ съ нимъ къ обѣднѣ, разстояніемъ около пяти верстъ. Осматривая тамъ новую, едва только отстроенную имъ каменную церковь и воз-

вращаясь домой въ ненастную погоду, онъ занемогъ горячкою, и чрезъ недѣлю скончался, къ неизъяснимой горести своего семейства. Отрокъ Сергій, присутствовавшій при его назидательной кончинѣ, не только любилъ рассказывать о томъ въ послѣдствіи со всѣми подробностями, но и передалъ ее потомству въ слѣдующихъ пламенныхъ стихахъ:

Единаго изъ сихъ въ болѣзненной кончинѣ
Я видѣлъ торжество и зрю еще понынѣ:
Жилище тихое, гдѣ тихимъ онъ лицемъ
Встрѣчаетъ смерть свою, испосланну Творцемъ,
Святыней полнится, пвoriтся къ небу смежно.
Бывъ въ смертномъ подвигѣ, онъ молился
прилежно,
И въ немъ умаленномъ величился Господь.
Болѣзни ѣдки его терзающъ плоть:
Пронзительный огонь, спремясь изъ жилы въ
жилу,
Состава цѣлаго испепеляетъ силу;
Но твердый духъ его не зыблется отъ мукъ
Кадила охмiамъ, священныхъ пѣсней звукъ,
Молившы Пастырей, таинственныхъ обряды,
Степанія прервавъ, дають, ему, опрады;
Очистясь отъ грѣховъ въ Божественной крови,
Успаяи хладнымъ, но съ пламенемъ любви,
Лобзаетъ спираждущій, распятіа любитель,
Знакъ славы Твоея, о Боже Искупитель!
И симъ оружіемъ сражаетъ шарпартъ въ прахъ;

Отпринувъ отъ себя присущей смерти страхъ,
Вселяеиъ тишину въ душѣ своей глубоко.
Какъ горній башни верхъ, чело горы высоко
На высотахъ своихъ удерживаюиъ день,
Межъ шѣмъ какъ съ облаковъ сходяща долу тѣнь
И облакомъ пары, съ лица земли лешящи,
Тьмой, влагой попопивъ долины прилежащи,
На низменны поля унылу стеляиъ ношъ:
Такъ въ плоти немощной являя духа мощъ,
Онъ небомъ просвѣщаль мерцающія вѣжды.
Въ лицѣ его блеспишъ лучъ радости, надежды,
Что вскорѣ узришъ онъ бѣдамъ и мукамъ край,
И гибель смертная его вѣнчаеиъ въ рай
Чудеснымъ паче словъ и несообщнымъ свѣномъ;
Всѣ міра прелести презрѣннымъ чтиа умешомъ,
И въ ономъ грѣшное окаивъ живише,
Зря въ Слово, бывшемъ плоть, спасеніе свое,
Языкомъ пренеправымъ, прерывнымъ, слабымъ
гласомъ,
Спасителю хвалу воспѣлъ предъ смертнымъ
часомъ,
И Ангелы съ небесъ приникли ей внимаиъ.
Усилился еще, воспѣлъ и Дѣву - Мать,
Чистѣйиу чистоты, святѣйиу свяиъи,
Кошорой сѣменемъ низверглась власиъ гордыни,
И змѣя древняго соперлась глава.
Воспѣлъ—и Благодаиъ, виявъ искренни слова,
Лѣиъся на него, какъ дождь на жаждну сушу.

Онъ смерти опдаешъ, не успунаешъ душу;
Въ рупеніи великъ, длань смерти опущивъ,
Возмогъ еще изречь: умру и буду живъ.....
Въ опчизну возвращусь: миѣ Богъ благоотво-
ришель!

Онъ брениую сію души моей обителъ,
Лишенну твердости, лишенную красоты,
Изъ праха возсоздастъ на вѣки нерушиму,
И дастъ ей красоту, уму непостижиму.
Тебѣ, Отецъ упѣхъ! Тебѣ, Отецъ щедротъ!
Себя я предаю, вдовицу и сиротъ,
Ты духъ мой пріими въ Свой святыя руки....
Но се въ его устахъ уже нѣмѣютъ звуки,
Во взорахъ меркнеть свѣтъ, меркнѣетъ блѣд-
ный зракъ,
Вселенна для него скрывается во мракъ.
Уже не слышишь онъ стелющейся дружбы нѣжной,
Ни дѣтскія любви, во плачъ безупѣшной;
Безжизненъ—но еще на жертвенномъ челѣ
Я зрю, какъ блескъ луны желькающій во иглѣ,
Величіе души и искренности сердечну;
Почилъ онъ всѣхъ трудовъ и будетъ въ па-
мяти вѣчну (3).

Послѣ покойнаго Князя Александра Про-
хоровича Шихматова осталось девять сыно-

---

(3) См. *Ночь на гробахъ*. С. П. Б. 1812, страя. 46 и 47.

вей, изъ коихъ Сергій считался шестымъ, и три дочери. Большая часть этихъ сиротъ требовала еще неослабнаго попеченія, и печальная вдова посвятила дни свои молитвѣ, воспитанію дѣтей и сельскому хозяйству. Князь Сергій, на тринадцатомъ году, отправленъ въ С. Петербургъ, для опредѣленія въ Морской Кадетскій Корпусъ, вмѣстѣ съ двумя другими братьями: но при поступленіи послѣднихъ въ сіе заведеніе, долженъ былъ, какъ младшій, къ крайнему своему прискорбію, возвратиться на родину, за излишествомъ. Это повидимому неблагопріятное обстоятельство послужило къ существенной пользѣ Князя Шихматова: ибо доставило ему случай провести цѣлый годъ въ кругу сосѣдственнаго семейства просвѣщенной благотельницы дома его, Дарьи Ивановны Уваровой, которая пеклась о немъ съ материнскою иждивеніемъ и предлагала ему всѣ средства къ образованію наравнѣ съ собственными дѣтьми своими. Послѣ такого приготовленія, онъ принять въ Морской Корпусъ, черезъ годъ произведенъ въ Гардемарины, и пробывъ тамъ еще два года, кончилъ полный курсъ наукъ. Такъ велико было прилежаніе его и столь быстрые оказывалъ онъ успѣхи! Но какъ сему отличному питомцу не совершилось тогда семнадцати лѣтъ—необходимое условіе для выпуска въ Офицеры: то и надлежало ему, опередившему возрастъ познаніями, оставить

ся въ Корпусѣ еще около года до пожалованія въ Мичманы, которое послѣдовало не ранѣе Октября 1800 года. Князь Шихматовъ тогда же назначенъ сотрудникомъ въ Ученый Комитетъ, существовавшій при Адмиралтействъ Коллегіи, и потому оставленъ въ С. Петербургѣ. Лѣтомъ однако онъ былъ посылаемъ на корабляхъ въ плаваніе по морямъ: Балтійскому и Сѣверному, и разновременно посѣщаль Стокгольмъ, Карлскрону, Данцигъ, Ростокъ, Любекъ и Копенгагенъ. Въ сію-то эпоху онъ имѣлъ счастье заслужить вниманіе нашего почтеннѣйшаго Президента и стяжать постоянное покровительство этого любомудраго мужа. Изъ другихъ лицъ, благопріятствовавшихъ проявлявшемуся въ молодомъ морскомъ Офицерѣ таланту, нельзя не назвать здѣсь съ искреннею признательностію Адмирала Графа Николая Семеновича Мордвинова и Генераль - Лейтенанта Логина Ивановича Голенищева - Кутузова. Въ 1804 году, Князь Сергій Александровичъ перемѣщенъ изъ флота въ Морской Кадетскій Корпусъ, гдѣ и находился до самаго увольненія отъ службы, участвуя отъ времени до времени въ разныхъ морскихъ походахъ; 1808 произведенъ въ Лейтенанты, а 1813 года, въ Капитанъ - Лейтенанты. Въ 1811 году, при учрежденіи Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Князь Шихматовъ былъ приглашаемъ занять мѣсто Инспектора сего, для цѣльта Дворянскаго юношества предназначеннаго

заведенія; но онъ не разсудилъ за благо воспользоваться этимъ приглашеніемъ и остался въ прежнемъ званіи. Во все время юности, онъ усердно занимался Рускою словесностію, продолжалъ просвѣщать умъ науками и, кромѣ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, въ которыхъ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ Корпусѣ, обучался языкамъ Англійскому, Латинскому и Греческому. Многіе справедливо удивлялись рѣдкому терпѣнію, съ какимъ онъ старался усовершенствовать себя въ послѣднихъ даже до тридцатилѣтняго возраста. Такое постоянство вознаграждено однако вождедѣнными послѣдствіями, и онъ наконецъ достигъ того, что владѣлъ свободно пятью иностранными языками. Въ глубокомъ знаніи Славянскаго языка, котораго онъ постигъ всѣ тонкости, могли съ нимъ сравниться развѣ только немногіе изъ отличныхъ Филологовъ нашихъ. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ образъ мыслей Князя Шихматова началъ принимать духовное направленіе, въ немъ родилось желаніе подробнѣе ознакомиться съ Анатоміей, такъ что онъ по цѣлымъ часамъ проводилъ въ изученіи сей науки, присутствуя при разсѣченіи труповъ.

Князь Шихматовъ очень рано почувствовалъ склонность къ поэзіи и предался ей сладостному влеченію. Прежде всего онъ началъ писать басни; но совѣты

нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, не одобившихъ эти опыты, заставили его скоро отказаться отъ нихъ. Онъ безпрекословно повиновался приговору строгихъ судей своихъ, и ни одна изъ его басенъ не увидѣла свѣта. Затѣмъ онъ обратился къ другимъ родамъ стихотвореній, и важнѣйшія поэтическія произведенія его появлялись въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *Опытъ о Критикѣ*, соч. Пѣпе, переводъ съ Англійскаго, 1806 года; 2) *Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія*, 1807; 3) *Пѣснь Россійскому слову*, 1809; 4) *Петръ Великій*, лирическое пѣснопѣіе, 1810; 5) *Ночь на гробахъ*, подражаніе Юнгу, и 6) *Пѣснь Россу*, 1812; 7) *Ночь на размышленія*, 1814; 8) *Пѣснь Сотворившему вся*, 1817, и 9) *Исусъ въ Вѣтхомъ и въ Новомъ Заветѣхъ*, или *Ночи у Креста*, 1824. Здѣсь кстати упомянуть о двухъ, еще не напечатанныхъ стихотвореніяхъ, которыя надлежитъ отнести къ послѣдующему времени: а) *Зерцало Царскихъ должностей* и б) *Псалтирь десятиструнный*, содержащій въ себѣ предложеніе десяти псалмовъ, отличнѣйшихъ по заключающемуся въ нихъ пророчественному и иносказательному смыслу.

Стихи Князя Шихматова удостоиваемы были дестнаго вниманія блаженныя памяти Государя Императора Александра I, ознаменовавшаго между прочимъ благоволеніе свое къ молодому поэту Всемилоствѣйшимъ пожалованіемъ ему, въ 1812 году, пен-

си по 1500 р. въ годъ. Въ данномъ по этому случаю Высочайшемъ Указѣ сказано, что онъ, трудами и прилежаніемъ къ наукамъ усовершенствовавъ природныя дарованія къ стихотворству, обратилъ оныя въ сочиненія свои на пользу словесности и благонравія (4). Незадолго предъ тѣмъ, при опредѣленіи Лейтенанта Князя Шихматова, по Высочайшему повелѣнію, въ Гвардейскій Экипажъ, съ оставленіемъ и при Морскомъ Корпусѣ, объявлено ему исправлявшимъ тогда должность Министра Морскихъ Силъ, что *гѣсть, которой онъ удостоенъ, есть новое свѣдѣтельство Монаршаго благоволенія къ полезнымъ его въ словесности упражненіямъ, и Всемилоостивѣйше дарована, дабы поощрить его къ продолженію оныхъ.* Россійская Академія избрала Князя Шихматова Дѣйствительнымъ Членомъ 1809 года, когда ему едва минуло двадцать шесть лѣтъ, а 1811, при самомъ учрежденіи Бесѣды любителей Русскаго слова, онъ поступилъ и въ это Ученое Общество съ тѣмъ же званіемъ. Въ 1817 году, Академія, въ вознагражденіе литературныхъ трудовъ его, присудила ему большую золо-

---

(4) См. *Собраніе Высочайшихъ Манифестовъ, Грамотъ, Рескриптовъ, Приказовъ войскамъ и разнымъ извѣщеній, послѣдовавшихъ въ теченіе 1812, 1813, 1814, 1815, и 1816 годовъ.* С. П. Б. 1816, стр. 58.

тую медаль, съ надписью: *отличную пользу Россійскому слову принесшему.*

Усердіе къ службѣ нашего Сочлена также не осталось безъ достойнаго возмездія: онъ Всемилостивѣйше награжденъ орденами Св. Владиміра и Св. Георгія четвертой степени (5). Въ 1824 году, по ходатайству бывшаго тогда Министра Народнаго Просвѣщенія Адмирала Александра Семеновича Шишкова, Капитанъ-Лейтенантъ Князь Шихматовъ удостоенъ безпримѣрной въ его чинѣ милости — Высочайшаго назначенія въ Члены Главнаго Правленія Училищъ, съ оставленіемъ и при прежнихъ должностяхъ. 1827 года Ноября 9, при увольненіи, по прошенію, вовсе отъ службы, онъ пожалованъ въ Капитаны 2 ранга, и, за свыше-тридцатилѣтнее безпорочное прохожденіе оной, получилъ въ ценсію половинное жалованье, сверхъ дарованной прежде пенсіи.

Изобразивъ въ краткихъ словахъ служебное и литературное поприще Князя Сергія Александровича, признаю не излишнимъ войти въ нѣкоторые подробности частной его жизни и сказать нѣчто о его умственныхъ способностяхъ и характерѣ. Онъ имѣлъ умъ

---

(5) Орденомъ Св. Владиміра 4 степени Кн. Шихматовъ награжденъ 1823 года 7 Февраля, а орденъ Св. Побѣдоносца Георгія, за двадцатипятилѣтнюю безпорочную службу, получалъ 1827 года 26 Ноября.

свѣтлый, счастливую память, живое воображеніе; отъ природы былъ кроткаго, но вспыльчиваго нрава, и этотъ недостатокъ, не безъ великихъ впрочемъ усилій, преодолевъ наконецъ совершенно. Первые лѣта по окончаніи образованія онъ провелъ въ суетности и разсѣяніи: вскорѣ однако милосердіе Божіе воззвало его отъ распутій міра, и это непродолжительное заблужденіе юности оплакивалъ онъ горько въ продолженіе всей остальной своей жизни. Обладая нѣжнымъ, способнымъ ко всякому добродѣльному впечатлѣнію сердцемъ, онъ вѣрилъ твердо Христіанскому ученію, и силою убѣжденія, которымъ самъ былъ проникнутъ, приводилъ другихъ къ сей спасительной вѣрѣ. Какъ ревностный сынъ Церкви, онъ не скрывалъ, въ угожденіе міру, своей къ ней привязанности, обнаруживалъ при всякомъ случаѣ строгое Православіе, почиталъ и любилъ лицъ духовнаго, и въ особенности монашескаго сана, памятуя слова Псалмопѣвца: *мнѣ же злыя гестии быша друзи твои, Боже*, и сохранилъ до самой смерти искреннее и даже дружеское отъ многихъ изъ нихъ въ себѣ расположеніе. Точный въ исполненіи должностей, онъ являлъ подчиненнымъ образецъ древне-Христіанскихъ добродѣтелей, нерѣдко доходившихъ въ немъ до самоотверженія. Невозможно представить себѣ, съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ, съ какою всеобъемлющею попечительностію, занимался онъ ввѣренными его руководству вос-

питанниками Морскаго Корпуса. Нѣтъ! объ этомъ лучше меня расскажутъ вамъ сами сіи воспитанники, проходящіе нынѣ съ честію разныя военныя и гражданскія званія: они видѣли въ немъ чадолубиваго отца; расскажутъ вамъ лучше меня родители ихъ: они утѣшались мыслію, что трудныя ихъ въ отношеніи къ дѣтямъ обязанности выполняются съ такою неусыпностію человекомъ, вовсе чуждымъ для нихъ по плоти, но не чуждымъ по духу любви Евангельской. Сами Вы, Милостивые Государи, бывшіе сотрудниками покойнаго и присутствовавшіе съ нимъ на семъ мѣстѣ засѣданій, можете засвидѣтельствовать, съ какимъ добродушіемъ, съ какою всегда готовностію онъ раздѣлялъ съ вами Академическія занятія, къ которымъ ничто не обязывало его, кромѣ признательности за честь принятія его въ ваше ученое сообщество и любви къ Рускому слову (6).

Можетъ быть, не неприлично будетъ обличить здѣсь несправедливое нареканіе міра,

---

(6) Кн. Шахматовъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ Членомъ учрежденныхъ при Академіи Комитетовъ: *Разсматривательнаго*, для оцѣнки поступающихъ отъ разныхъ лицъ сочиненій и переводовъ, и *Словарнаго*, для составленія Рускаго Словаря по азбучному порядку. См. *Извѣстія Россійской Академіи*, книжка седьмая, стран. 142, и книжка девятая, стран. 22.

будто люди, преданные благочестію, поучающіеся въ Законѣ Божіемъ день и ночь, менѣе другихъ способны къ прохожденію общественныхъ званій, какъ существа, которыхъ *житіе на небесахъ есть*. Напротивъ, если когда либо съ успѣхомъ одолеваются враги Отечества; если когда либо заключаются прочныя и выгодныя съ иностранными Державами союзы; если когда либо созрѣваютъ мудрыя мѣры, предпринимаемыя Правительствомъ для блага народнаго: то это безъ сомнѣнія наипаче бываетъ въ то время, когда употребляются на дѣло чистыя орудія небеснаго Промысла; когда въ среду сложныхъ, потемнѣнныхъ человѣческими пристрастіями обстоятельствъ, вносится свѣтильникъ совѣсти; наконецъ, когда для достиженія предположенной цѣли, ни во что вмѣняются труды, опасности, болѣзни и самая смерть. И кто же, я спрашиваю, болѣе способенъ къ совершенію сихъ подвиговъ, какъ не пламенный Христіанинъ? Да заградятся же уста, отвергающіяся на избранныхъ Божіихъ.

Для Князя Шихматова, вкусившаго отъ сладости манны сокровенныя, и видѣвшаго яко *блажь Господь*, при пособіи свыше, на все доставало времени. Исполнивъ ежедневно долгъ службы съ особеннымъ раченіемъ и добросовѣстностію, онъ учащалъ въ храмы Божіи, навѣщалъ болящихъ, посѣщалъ заключенныхъ въ темницахъ. Присутствіе его облегчало скорбь и нищету, возвращало спо-

койствіе, воскрешало надежду. Занятіе нѣсколькихъ должностей и пенсія доставляли ему болѣе семи тысячъ рублей въ годъ, которые, имѣя готовое помѣщеніе и довольствуясь самымъ скромнымъ содержаніемъ, употреблялъ онъ преимущественно на дѣла благотворительности. Главное утѣшеніе его, послѣ молитвы, состояло въ призрѣніи убогихъ. Съ этою цѣлію, не ограничиваясь милостынею, онъ, въ нарочитые праздники, приготовлялъ угощеніе для нищей братіи, собирая всякой разъ до сорока и болѣе человѣкъ, и надѣляя каждого изъ нихъ, по окончаніи трапезы, денежнымъ подаваніемъ. Восходя отъ совершенства къ совершенству, онъ усиливалъ и подвиги духовные. Воздержаніе его было необыкновенное: онъ употреблялъ пищу однажды въ день, откинувъ еще въ свѣтской жизни мясныя яства; всегдашнее питіе его была вода; спалъ отъ пяти до шести часовъ въ сутки. Пощеніе, въ опредѣленное Святою Церковью время, было наблюдаемо имъ съ непогрѣшительною точностію: онъ довольствовался нерѣдко одними кореньями, а иногда и суходеніемъ. Во всѣ посты, послѣ внимательнаго приготовленія и строгой исповѣди, онъ приступалъ къ Причащенію съ благоговѣніемъ, но не безъ страха. Любовь его къ ближнимъ выражалась болѣе всего попеченіемъ о спасеніи ихъ: для сего, кромѣ изустныхъ совѣтовъ и наставленій, онъ часто убѣждалъ къ тому знаемыхъ своихъ письмами, и въ такихъ случаяхъ

не стѣснять себя приличіями. Всѣ эти благодѣтельныя дѣйствія совершались втайнѣ, прикрытыя непроницаемою завѣсою смиренія, которую, только для приближенныхъ къ нему людей, приподнимали по временамъ непредвидимыя встрѣчи и обстоятельства.

Но распространяясь такимъ образомъ въ справедливыхъ похвалахъ Сочлену нашему, я забываю, что самая лучшая похвала всякому есть собственныя, имъ самимъ выраженные, высокія чувствованія его, если только они искренни. Никто конечно не усумнится въ послѣднемъ по отношенію къ Князю Сергію Александровичу Шихматову; а потому я беру смѣлость возобновить въ памяти вашей нѣкоторыя мысли, кои, въ минуты восторга, вылетѣли въ стройныхъ звукахъ прямо изъ его сердца. Начнемъ съ благочестія. Но чтобъ показать все достоинство назидательныхъ размышленій его о вѣчности, все пареніе ума къ небесамъ, все стремленіе души его къ Божеству, надлежало бы переписать цѣлыя книги. Онъ могъ бы по справедливости сказать съ Давидомъ: *о Тебѣ плни мое вино; пою Богу моему дондеже есмь*. Приводить ли доказательства преданности его къ Престолу и любви къ Отечеству? Но свидѣтельствомъ тому служить едва ли не половина его сочиненій. Въ примѣръ послѣдней, не могу однако удержаться, чтобъ не указать на слѣдующіе прекрасные стихи:

Подъ хладной сѣверной звѣздою
Рожденные на бѣлый свѣтъ,
Зимою строгою, сѣдою,
Лелѣяны отъ юныхъ лѣтъ,
Мы презримъ роскошь иносѣранну,
И даже болѣе себя
Свое опечесство любя,
Зря въ ней спрану обѣщованну,
Млеко пощащую и медь,
На всѣ природы южной нѣги,
Не промѣняемъ наши снѣги
И нашъ опечеспвленный ледъ (7).

Хотите ли видѣть глубокую признательность Князя Шихматова, внемлите словамъ, обращеннымъ къ тому, кого не называлъ онъ иначе какъ отцемъ и благодѣтелемъ:

Любимель мудрости и славный вищія,
Кому согласная съ Царемъ ея Россія
Богатство ввѣрила словесности своей,
Чтобъ пѣмъ обогатить умы ея дѣтей,

---

(7) Стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Возвращеніе въ Отечество любезнаго моего брата Кн. П. А. изъ латинскаго морскаго похода*. С. П. Б. 1810.

Чтобъ славяся ихъ языкъ умножилъ блескъ
ихъ славы,

Чтобъ въ Русскихъ Русскіе возобновились нравы,
Чтобъ вѣра съ торжествомъ входила въ ихъ
сердца

Явленіемъ словесъ небеснаго Оупца

И пѣсней дольняго духовнаго Сіона,

Наславникъ, Меценатъ, предсавитель мой у трона!

Къ паланцу скудному вниманіе склоня,

Ты первый ободрилъ спрашливаго меня

Дерзнуть на поприще словеснаго искуства;

Ты въ грудь мою вдыхалъ свои сердечны чув-
ства;

Ты въ разумъ мой вливалъ свѣтъ мудрости
твоей,

Ты былъ для юности неопытной моей

Защитой и вождемъ, примѣромъ и покровомъ.

И если что либо воспѣлъ я Русскимъ словомъ,

Что можно съ пользою, съ пріятностію про-
честъ,

То плодъ твоихъ сѣмянъ, тебѣ хвала и честъ.

Чту правила твои, украшенны вѣнцами,

Изящными твоихъ писаній образцами;

Носяцій съ вѣрою въ сердечной глубинѣ

Пылающую любовь къ отеческой странѣ,

Достоинъ ты вѣщать въ услышанье вселенной

Величіе и мощь Россіи обновленной,

Гремѣть о Промыслѣ, который опъ небесъ

Гордыню низложилъ и крошкѣ превознесъ:
На громъ твой — Съверъ весь опивѣщается
плескомъ,
И зависль подъ твоимъ изнемогаетъ блескомъ(8)

Привязанность Князя Шихматова къ роднымъ всегда была свѣжа, не ослабѣвая отъ времени и не измѣняясь отъ обстоятельствъ. Вотъ съ какимъ сердечнымъ жаромъ описываетъ онъ свиданіе съ братомъ, послѣ пятилѣтней разлуки:

Огнь жизни пробѣжалъ по жиламъ,
И слезы сыплются изъ глазъ,
Лишь горнимъ свѣдомая силамъ
Любовь горитъ во мнѣ сей разъ.
Глашу—напавъ ему на выю:
Кто, кто тебя мнѣ возвратилъ?
Не другъ ли смертныхъ Рафаилъ,
Какъ древле сохранилъ Товію,
Тебя поставилъ въ сихъ мѣстахъ?
Другъ друга чувствуемъ всю радость,
Другъ друга лобызаемъ въ сладость,
И души наши на устахъ (9).

---

(8) См: *Ночь на размышленія*, С. П. Б. 1814, стран. 5 и 6.

(9) См. *Возвращеніе въ Отчество* и проч.

Я бы не кончилъ, если бѣ сталъ продолжать выписку всѣхъ тѣхъ мѣстъ изъ сочиненій Князя Шихматова, въ которыхъ проявляются отблески возвышенной души его, и потому оставляя это поле невоздѣланнымъ, упомяну вкратцѣ о замѣчательнѣйшихъ свойствахъ сихъ сочиненій. Станемъ ли разсматривать ихъ въ отношеніи къ языку, мы увидимъ, что Князь Шихматовъ не только никогда не употреблялъ чужеземныхъ оборотовъ и выраженій, которыя, какъ вставки изъ ветхаго рубища на блестящей багрянницѣ, унижаютъ величіе, искажаютъ красоту и стѣсняютъ обиліе нашего слова; но и возвышалъ нерѣдко слогъ свой важностію Славянскихъ реченій, обогащая отечественный языкъ сокровищами наслѣдственнаго ему достоянія. Посмотримъ ли на нравственную цѣль и на средства къ достиженію ея, мы убѣдимся, что и та и другія, удовлетворяя самой взыскательной разборчивости, могутъ, не страшась отверженія, сопутствовать сочинителю за двери гроба. Присовокупите къ тому выборъ предметовъ почти всегда великихъ и весьма часто священныхъ, и Вы составите непогрѣшительное заключеніе о содержаніи и духѣ стихотвореній Князя Шихматова. Отъ начала до конца поэтическаго поприща, онъ ни разу не осмѣлился навѣсть малѣйшей тѣни на чистоту Христіанскаго исповѣданія своего повтореніемъ нелѣпыхъ преданій языческаго джеврїа или призываніемъ

мечтательныхъ боговъ древняго Рима и Греціи. Посвящая ниспосланный ему отъ истиннаго Бога даръ пѣснопѣній Вѣрѣ, Отечеству и добродѣтели, онъ убѣгалъ, какъ отъ жала ехидны, отъ всего ложнаго въ богопочтеніи, и ненарушимымъ молчаніемъ о божествахъ баснословныхъ, провозглашалъ приговоръ, произнесенный надъ ними Пророкомъ: *бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ.*

При самомъ приступѣ ко второй отличительной эпохѣ земнаго странствованія Князя Шихматова, къ жизни иноческой, можетъ быть, многіе спросятъ меня, что заставило его итти въ монахи, когда и безъ того находился онъ на пути спасенія? Отвѣчаю—желаніе совершенства Христіанскаго. Таково свойство благодатнаго возрожденія въ жизнь вѣчную, что удостоившійся подвергнуться сей вождельной перемѣнѣ, не только хочетъ вкусить, но жаждетъ упиться отъ тува дому Божіа; не только желаетъ приблизиться къ Богу, но алчетъ напиться лицезрѣніемъ Его, вопія безпрестанно въ воздыханіяхъ: *когда прииду и явлюся лицу Божію? Насыщуся внемда явитимися славу Твоей.* Не говорю, чтобъ другія второстепенныя побужденія, даже неблагопріятныя обстоятельства, косвеннымъ путемъ, къ тому не содѣйствовали: ибо любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое. Кто знаетъ, не

была ли и вся предшествовавшая жизнь Князя Шихматова, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Всевышняго, однимъ только приготовленіемъ къ этому рѣшительному шагу, который долженствовалъ раздѣлить его съ міромъ и включить еще на землѣ въ чинъ Ангельскій? Тотъ, Кто *владеетъ державою морскою и укрощаетъ волны его, какъ бы нарочно предопредѣлилъ нашему Сочлену отъ самой юности служеніе во флотѣ, чтобъ онъ видѣлъ дѣла Господня и чудеса Его во глубинѣ. И сей Богъ, Егже въ мори путіе и Чьи стези въ водахъ многихъ*, благоволилъ поставить его на одну изъ этихъ спасительныхъ стезей, незамѣтныхъ плотскому оку. Нельзя не сознаться, что въ благодатномъ состояніи человѣка ничто такъ не располагаетъ къ богомыслию, ничто столько не возноситъ умъ и сердце его, въ восторгахъ удивленія, къ своему Создателю, какъ морскія плаванія. Самая неограниченность пространства, непрерывно представляющаяся взорамъ, устремленнымъ на небо, невольно соединяется съ мыслию о вѣчности и какъ бы видимо живописуетъ образъ ея. На сѣдомъ, утрюмомъ, по величественномъ челѣ гнѣвнаго океана прираженіемъ наплывающихъ молній начертываются слова вѣщнаго Пророка: *дѣсны высоты морскія, дѣвны въ высокихъ Господь!* Съ другой стороны, сильно возжигаютъ и питаютъ пламень молитвы многоразличныя опасности сихъ пла-

ваній, при которыхъ жизнь отдѣляется отъ смерти одною только утлою доскою, способною всякую минуту содѣлаться гробовою. Въ такихъ случаяхъ, когда неукротимыя волны, какъ несмѣтные ряды враждебнаго воинства, устремляются дружно на приступъ, налегаютъ грудью на колеблющійся ломкій оплотъ устранныхъ плователей, сокрушаютъ его усиленными, неотразимыми, тысячекратно повторяемыми ударами, и наконецъ шумною толпою врываются въ послѣднее убѣжище жизни; въ такихъ несчастныхъ случаяхъ, самый хладнокровный, самый равнодушный къ вѣчному жребію своему смертный, истощивъ всѣ человѣческія средства, можетъ ли не обратиться къ верховному Распорядителю силъ природы, Который и *въ трюмъ повелѣваетъ и водъ, и послушаютъ Его?* Князь Шихматовъ не чуждъ былъ подобныхъ опасностей: видѣлъ въ хлябяхъ морскихъ зѣвшія на него челюсти смерти, и терпѣлъ неоднократно бѣдствія на корабляхъ, которые отъ жестокой бури теряли мачты или принуждены были сами рубить ихъ, чтобъ воспрепятствовать изверженію на берегъ и совершенному потопленію (10). Не-

---

(10) 1799 года, на корабль Пантелеймонъ, который отъ жестокой бури потерялъ, у острова Даго, гротъ-мачту; 1802 года, на фрегатъ Еммануилъ, который принужденъ былъ срубить мачты, для избѣжанія опасности быть выброшеннымъ на островъ Бюрку.

удачное окончаніе похода противъ Англичанъ и Шведовъ флота нашего, подъ начальствомъ Адмирала Ханькова, при коемъ онъ исполнялъ лестную тогда для него должность Флагъ-Офицера, показало ему обманчивость человеческихъ расчетовъ и непрочность земныхъ надеждъ (11). Самое званіе поэта, стяжанное усиленными трудами, и соединенная съ тѣмъ почетная извѣстность, были, какъ и все дальшее, не безъ примѣси горестей, которыхъ чаша, можетъ быть съ намѣреніемъ, переполнялась для него, чтобъ предохранить его отъ тщеславія. Мы почти всегда смотримъ только на благопріятную сторону поэта: но часто, весьма часто, никто менѣе его не наслаждается поэзіею жизни. Что такое поэтъ и вообще писатель? — человѣкъ, поставившій себя съ книгою въ рукахъ на позорище свѣта, какъ мету, въ которую и посредственность, и недоброжелательство, и зависть могутъ бросать стрѣлы, и бросать ихъ ненаказанно тамъ, гдѣ еще не утвердилось самостоятельное общественное мнѣніе. Припомните, что я говорю о событіяхъ за двадцать пять лѣтъ и болѣе. При такихъ обстоятельствахъ, какъ не трудно воспрепятствовать успѣху и уронить славу всякаго, и даже отличнаго творенія, особливо если оно не подстрекаетъ щекотливаго любопытства пресыщенной празд-

---

(11) Въ 1808 году.

ности и не даетъ пищи растлѣнному воображенію! Все это болѣе или менѣе сбылось въ отношеніи къ сочиненіямъ Князя Шихматова, и вотъ почему стихотворенія его, въ числѣ коихъ многія, и въ особенности духовнаго содержанія, заслуживаютъ справедливую похвалу и признательность, неопыненныя доселѣ здравою и безпристрастною Критикою, или остаются мало извѣстными, или не пользуются вниманіемъ, соотвѣтственнымъ существенному ихъ достоинству. Сія несправедливость конечно не укрылась отъ поэта нашего: и если онъ не позволялъ своему самолюбію оскорбляться ею, то могъ ли быть нечувствителемъ къ тому, что его произведенія, не довольно распространяясь въ обществѣ, не довольно приносятъ пользы, тогда какъ цѣло трудовъ его была именно польза, а не вѣтръ молвы и не вѣсь корысти?

Наконецъ, почему знать, можетъ быть даже необыкновенный родъ жизни его, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ являлось иночество посреди міра и отшельничество посреди столицы; можетъ быть даже строгость правилъ и ревность его по православію; можетъ быть даже неуклонное въ духъ Христіанскомъ исполненіе обязанностей его званія возставляли ему тайныхъ и явныхъ порицателей; скажу болѣе: можетъ быть, онъ, послѣдствіе почти неизбѣжное обнаруженной набожности, нерѣдко переносилъ самыя обидныя нареканія; ибо не напрасно же слово Апостола Па-

вла: *все хотящій благочестно жити о Христѣ Иисусѣ, гоними будутъ.*

Впрочемъ, повторяю, все сіи и другія подобныя имъ причины могли быть только второстепенными, которыя большею частію отрицательно дѣйствовали въ пользу рождавшейся въ Князѣ Шихматовѣ рѣшительности, отталкивая его отъ земли: существовала другая положительная сила, привлекавшая его къ небу, и эта сила заключалась въ призывномъ гласѣ Господа нашего Иисуса Христа: *прииди и ходи въ слѣдъ Мене, возьми крестъ*, — въ семь гласѣ, который, подобно грому, проникъ въ слухъ сердца, потрясъ духовный и тѣлесный составъ, объялъ всю внутренность и вселился неисходно въ глубинѣ души его.

Чтобъ исполнить это намѣреніе, надлежало, въ залогъ искренности монашескаго обѣта, отказаться отъ всехъ правъ и преимуществъ, стяжанныхъ и своими и предковъ своихъ заслугами, отъ всехъ громкихъ званій и титуловъ, отъ наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго достоянія, отъ всякой собственности, отъ свободы располагать своими дѣйствіями, даже отъ своего имени; словомъ, поставить себя ниже послѣднихъ, безвѣстныхъ въ мірѣ гражданъ; и въ замѣну всехъ сихъ лишеній, принять крестъ, облобызать нищету, сочетаться невозвратно съ смиреніемъ, поработить себя безусловному послушанію, и все это не на какое нибудь срочное время, не на десять, не на двадцать лѣтъ, но на цѣлое

продолженіе жизни—до самаго гроба. Жертва поистиннѣ великая и необъятная. Князь Шихматовъ видѣлъ ясно всѣ утраты, коимъ онъ долженъ былъ подвергнуться, всѣ скорби, которыми слѣдовало ему, такъ сказать, отдать себя на руки, всю тяготу ожидавшей его жизни крестной,—и не поколебался рѣшиться на все за *превосходящее разумніе Христа Иисуса Господа* своего.

Испросивъ именно съ этою цѣлю увольненіе отъ службы, простившись съ родными и знакомыми, и принявъ благословеніе отъ Преосвященнаго Серафима, Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, коего милостивымъ къ себѣ расположеніемъ пользовался издавна, Князь Шихматовъ, въ Нолбрѣ 1827 года, оставилъ навсегда столицу. Имѣя въ свѣжей памяти слово Евангельское: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспясть, управленъ есть въ царствіи Божіи*, онъ, по окончательномъ устроеніи здѣсь дѣлъ своихъ, отправился въ Московскую Губернію, къ двумъ старшимъ братьямъ, съ которыми связанъ былъ особенною дружбою и единомысліемъ, и въ безотчетномъ владѣніи коихъ оставялъ доставшуюся ему часть родового имѣнія. Условившись объ обращеніи крестьянъ общей усадьбы ихъ въ свободные хлѣбопашцы и принявъ нужныя для того предварительныя мѣры, они спѣшили къ изпуренной лѣтами и болѣзнями родительницѣ. Князь Сергій Александровичъ, употреблявшій всѣ зависѣвшія отъ

него средства къ упокоенію ея старости и не щадившій для того ни усилій, ни пожертвованій, утѣшался напередъ мыслію, что онъ еще разъ заключится въ ея объятіяхъ, что онъ еще разъ услышитъ біеніе материнскаго сердца на груди своей, что онъ еще разъ испроситъ ея благословеніе, и затѣмъ бросивъ прощальный взглядъ на родину, съ новою горячію обратится къ совершенію начатаго имъ великаго дѣла. Тщетное упованіе! Онъ засталъ родительницу, принявшую уже напутствіе въ жизнь вѣчную, безгласною, въ бореніи съ смертію, и чрезъ нѣсколько часовъ былъ свидѣтелемъ мирной кончины ея. Это неожиданное зрѣлище растерзало душу его и исторгло обильные потоки слезъ на холодные останки матери. Скорбь о концѣ дней ея, сама по себѣ тяжкая, увеличивалась еще безотрадною мыслію, что онъ не открылъ ей сердца своего и не получилъ благословенія на созрѣвшее уже въ намѣреніяхъ его начинаніе. Насытившись рыданіями, онъ повергся наединѣ, въ тиши ночной, предъ образомъ Божіей Матери, и въ пламенномъ моленіи излилъ предъ нею печаль свою. Усталость отъ пути и изнеможеніе отъ плача и молитвеннаго бдѣнія склонили его наконецъ ко сну. Но лишь только онъ сомкнулъ вѣжды, какъ видитъ приближающуюся родительницу, свѣтлую лицомъ, чуждую всякаго измѣненія, причиненнаго ей болѣзнію и смертію. Первымъ

дѣйствиємъ восхищеннаго отъ радости сына было броситься къ ногамъ ея и умолять о благословеніи на иноческое подвижничество. Послѣ краткаго молчанія, онъ услышалъ внят-но изъ устъ ея произнесенныя слѣдующія замѣчательныя слова: »благословить много, а дозволить можно.» Оживленный симъ необыкновеннымъ свидѣніемъ, въ которомъ усматривалъ особенное о себѣ свыше промѣшленіе, Князь Шихматовъ съ бѣльшимъ спокойствіемъ отдалъ послѣдній долгъ усопшей матери и, въ началѣ 1828 года, переселился въ Юрьевскій монастырь. Здѣсь начинается иноческое поприще нашего Сочлена: ибо, хотя онъ и не произнесъ еще обѣта, но уже подчинилъ себя всѣмъ правиламъ и всей строгости монастырскаго заключенія.

Юрьевскій первокласный, общежительный монастырь, разстояніемъ отъ Новгорода въ четырехъ верстахъ, расположенный по лѣвому берегу Волхова, на возвышенности, которая во время весенняго разлива водъ представляется островомъ, основанъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Новгородскимъ Княземъ Ярославомъ, нареченнымъ во Св. крещеніи Георгіемъ или Юріемъ. При такой древности, онъ знаменитъ разными историческими событіями, и между прочимъ погребеніемъ въ немъ, въ 1233 году, брата Св. Александра Невскаго, Князя Оеодора Ярославича, котораго Святыхъ мощи перенесены оттуда, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ Новгородскій Софійскій

Соборъ, для предохраненія ихъ отъ нашествія Шведовъ. Съ 1786 года почиваютъ здѣсь подъ спудомъ нетлѣнные остатки Св. Θεоктиста, Архіепископа Новгородскаго, скончавшагося въ 1510 году и погребеннаго сначала въ монастырѣ Благовѣщенскомъ. Юрьевскій монастырь, именовавшійся нѣкогда Лаврою и пользующійся понынѣ нѣкоторыми особыми преимуществами, находился въ послѣднее время въ состояніи упадка, отъ котораго возстановленъ, возобновленъ и украшенъ тщаніемъ Архимандрита Фотія и иждивеніемъ Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Отличное благоустройство сей обители и строгая, подвижническая, по примѣру древнихъ пустынныхъ отцевъ, жизнь тогдашняго Настоятеля ея, Фотія, съ которымъ Князь Шихматовъ имѣлъ случай сблизиться болѣе нежели за десять лѣтъ, рѣшили выборъ его, и должно согласиться, что нельзя было избрать лучшаго руководителя.

Въ 1829 году 23 Апрѣля, Князь Шихматовъ опредѣленъ въ число братства Юрьевскаго монастыря; 25 Марта 1830, въ день Благовѣщенія, постриженъ въ монашество, съ переименованіемъ Аникитомъ; 30 того же мѣсяца, въ недѣлю Ваіи, рукоположенъ Пресвященнымъ Тимофеемъ, Епископомъ Старорускимъ, въ Іеродіакона, а въ Великій Четвертокъ, 3 Апрѣля того же года, въ Іеромонаха.

Черезъ четыре съ небольшимъ мѣсяца, я посѣтилъ отца Аникита въ его уединеніи. Это было 12 Августа, на память Св. Мучениковъ Фотія и Аникита, въ день именинъ его и Настоятели Юрьевского. Приѣхавъ въ монастырь рано утромъ, я вошелъ, по указанію привратника, въ келью, и былъ дружелюбно встрѣченъ знакомымъ мнѣ старымъ служителемъ, котораго однако не вдругъ могъ узнать въ одеждѣ послушника. Отъ него извѣстился я, что отецъ Аникитъ былъ во внутренней кельѣ своей, въ которой всегда заключался на ночь. Соблюдая возможную тишину, чтобъ не нарушить отдохновенія старца Божія послѣ недавно окончившагося всеобщаго бдѣнія, я остался въ преддверіи этой кельи и на свободѣ сталъ разсматривать жилище его. Оно состояло изъ трехъ маленькихъ комнатъ, изъ коихъ въ одной жилъ его прислужникъ, другая составляла собственный его приютъ, а третья, гдѣ я находился, была родъ гостиной или пріемной. Кромѣ образовъ, я не замѣтилъ въ ней никакихъ украшеній. Кожаная софа, нѣсколько стульевъ, одинъ или два стола и шкафъ съ книгами составляли всю домашнюю утварь. Любопытство мое простерлось далѣе; я началъ прочитывать заглавіе книгъ, и убѣдился въ строгомъ ихъ выборѣ: межъ ними не было ни одной, которая бы относилась къ свѣтской любознательности, къ Философіи, къ преданіямъ человѣческимъ, къ стихіямъ міра; всѣ онѣ имѣли исключительную цѣлю позна-

ніе тайны Бога и Отца и Христа, въ Немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна. Между тѣмъ растворилась дверь: самыя искреннія лобзанія и привѣтствія посыпались съ обѣихъ сторонъ, и мы долго не могли наглядѣться другъ на друга и вдоволь набесѣдоваться. Отецъ Аникитъ примѣтно похудѣлъ, на челѣ показались морщины, на полуобнаженной главѣ и въ окладистой бородѣ прокрадывались уже сѣдины: но въ глазахъ его сіяла тихая радость, во всѣхъ чертахъ лица выражалось небесное спокойствіе. Увлеченный возрастающимъ во мнѣ любопытствомъ, я заглянулъ въ его внутреннюю келью и увидѣлъ съ удивленіемъ, что въ ней ничего не было кромѣ Св. иконъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что, утружденный молитвою, онъ подвергался для самаго краткаго отдыха на голыя доски. Двѣ или три монашескія рясы совмѣщали въ себѣ всѣ потребности его одѣянія, предохраняя вмѣстѣ и отъ суровости непогодъ.

Въ этотъ день Св. литургію совершалъ Архимандритъ соборно. Благоговѣйная торжественность богослуженія, богатство церковныхъ украшеній, блескъ священнослужительскихъ одеждъ, значительное число участвовавшихъ въ священнодѣйствіи лицъ, умиленность столповаго большимъ хоромъ пѣнія, все это воспрепятствовало мнѣ обратить особенное вниманіе на отца Аникита, котораго я еще въ первый разъ видѣлъ въ Іерейскомъ

облаченіи. Но какъ онъ приходилъ въ монастырь только по Воскресеньямъ и праздникамъ, постоянное же его пребываніе было въ скиту, которымъ онъ, въ видѣ послушанія, начальствовалъ: то на другой или на третій день, я послѣдовалъ за нимъ и въ это убѣжище.

Въ двухъ верстахъ отъ монастыря, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, возвышается въ живописномъ положеніи холмъ, на которомъ воздвигнуто было въ древности капище Перуу, и вмѣсто коего, еще въ первыя времена Христіанства, построенъ монастырь. Отъ него, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, уцѣлѣли одиѣ стѣны каменной церкви, которая недавно достроена въ прежнемъ древнемъ вкусѣ и освящена во имя Рождества Божіей Матери. Вокругъ храма поставлены деревянные кельи и обнесены оградой, которая ни для кого не отверзается безъ благословенія Юрьевского Настоятеля; женскому полу дозволенъ входъ въ скитъ только однажды въ годъ, именно въ день храмоваго праздника. Сюда, съ разрѣшенія монастырскаго начальства, приходятъ на опредѣленное время братія, а иногда и самъ Архимандритъ, для уединеннаго богомыслія. При мнѣ было ихъ двѣнадцать человѣкъ. Въ церкви установлено очередное, днемъ и ночью, чтеніе псалмовъ, прерываемое только совершеніемъ ежедневнаго Общаго Правила и Божественной литургіи, которая бываетъ три раза въ недѣлю. Въ пищѣ, предлагаемой всѣмъ совокупно, сохраняется строжайшая умѣренность,

такъ что и употребленіе едеи допускается въ одни праздники. Здѣсь Іеромонахъ Аникитъ былъ полнымъ хозяиномъ. Съ вечера я присутствовалъ съ нимъ на Общемъ Правилѣ, а рано на другой день слушалъ заутреню и обѣдню. Онъ священнодѣйствовалъ одинъ, безъ Діакона. Звонкій и пріятный голосъ его раздавался громко между вѣковыми сводами храма; произнося молитвы съ умиленіемъ, онъ давалъ вѣсь всякому слову. При освященіи даровъ, отецъ Аникитъ являлся чуждымъ всему земному и какъ бы проникнутымъ присутствіемъ Божества, Котораго слава отражалась на просвѣтлѣнномъ лицѣ его; казалось, что та неизреченная любовь, которая искупила нѣкогда родъ человѣческій на жертвенникѣ крестномъ, воскреляетъ его и наполняетъ собою всю его душу. Нѣсколько разъ замѣчалъ я блиставшія на его рѣсницахъ слезы.

Не могу дать отчета въ чувствованіяхъ, которыя тогда попеременно брали власть надъ мною. Я представлялъ себѣ, какъ на этомъ мѣстѣ приносились прежде нечистыя и кровавыя жертвы бездушному истукану; какъ онъ, въ послѣдствіи, оцѣпленный, влекомъ былъ съ холма и сверженъ въ Волховъ; переносясь потомъ къ настоящему, я видѣлъ, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ, освященномъ въ жилище Духу Святому и порученномъ покровительству Святыя Приснодѣвы, приносится чистѣйшая, безкровная жертва живому Богу. И кто же таинникъ сей великой, удивитель-

ной о насъ жертвы? — поздній потомокъ нечестивыхъ, ненавистныхъ намъ нѣкогда Ордынскихъ Князей, удостоившійся быть Священникомъ Бога Вышняго! Подлинно судьбы Господни бездна многа.

Вскорѣ Начальство Новгородской Епархіи предложило Іеромонаху Аникиту степень Архимандрита и настоятельство надъ однимъ изъ монастырей своего вѣдомства. Онъ употребилъ всѣ средства для отклоненія этого предложенія, признавая себя и недостойнымъ и неспособнымъ руководить другихъ къ совершенству иноческой жизни. Усердныя просьбы его о томъ были столь убѣдительны и столь искренни, что снисходительное начальство не признало за благо настаивать въ своемъ намѣреніи.

Совсѣмъ другая мысль возобладала тогда отцемъ Аникитомъ и обратилась наконецъ въ непреодолимое желаніе, которое Вы узнаете изъ слѣдующихъ строкъ его:

«И будетъ покой Его гость. Воскресшій изъ гроба, первенецъ мертвыхъ, сотворилъ гробъ Свой источникомъ всеобщаго всѣмъ вѣрующимъ въ Него воскресенія. Отъ самаго того времени, когда прославился Іисусъ, воскреснувъ тридневно, побѣдивъ смерть и адъ, и даровавъ намъ жизнь вѣчную; отъ самаго того времени, вѣрующіе, какъ елень жаждущій на источники водные, стремились отовсюду воздать боголѣпную честь смертному покою безсмертнаго нашего Искупителя и поклонить-

ся мѣсту, гдѣ возлежало, какъ жертва, за грѣхи всего міра закланная, живомертвенное тѣло Агнца Божія. Цари оставляли престолы, Пастыри духовные покидали на время свое стадо, пустынники исходили изъ глубокаго безмолвія, монахи и міряне, всякаго чина и возраста, текли къ малому и убогому вертепу, гдѣ Царь славы, Господь Субботы субботствовалъ во гробѣ, и проліянною за насъ боготочною Своею кровію стяжалъ намъ участіе въ вѣчномъ и непостижимомъ покоѣ Божіемъ. Каждый ревностный поклонникъ Гроба Господня почерпалъ изъ этого неоскуднаго источника благодати новыя силы къ богоугодному прохожденію своего званія. Всѣ они возвращались оттуда, прославляя всещедрого Живодавца, пріявшаго погребеніе и воскресшаго со славою. Сими всякаго подражанія достойными примѣрами подвинулась и моя грѣшная душа возжелать блага сладчайшаго—изливаться въ теплыхъ моленіяхъ ко Господу на Святомъ мѣстѣ Его тридневнаго смертнаго покоя, который есть и *будетъ во вѣки гестъ.*

Въ Апрѣль 1832 года, Іеромонахъ Анікій имѣлъ уже дозволеніе отправиться въ Іерусалимъ: но нѣкоторые встрѣченныя въ этомъ предпріятіи затрудненія замедлили отъѣздъ его еще на два года, въ теченіе коихъ онъ совершилъ богомольное странствованіе въ Соловецкій и многіе другіе монастыри наши, съ великимъ для себя утѣшеніемъ и пользою. Чтобъ не отвлекаться отъ главной цѣли, ко-

торая состояла въ собственномъ отъ посѣщенія Святыхъ мѣстъ назиданія, отецъ Аникитъ не описывалъ подробно путешествія въ Палестину: но, для воспоминанія совершившагося надъ нимъ въ разныхъ случаяхъ милосердія Божія, велъ краткія записки или дневникъ, изъ котораго заимствована мною вышеприведенная статья, и изъ коего я помѣщаю здѣсь одинъ только бѣглый очеркъ.

«5 Мая 1854 года, говоритъ Іеромонахъ Аникитъ, сподобясь отслужить раннюю обѣдню въ церкви Св. Неопалимой Купины, а вечеромъ молебень Святителю Оеоктисту и Великомученику Георгію въ Святомъ его храмѣ, повергся я къ стопамъ честнаго отца Настоятеля и облобызалъ освященную его десницу; затѣмъ простаясь со всею Святою возлюбленною о Христѣ братією, отъ которой, въ теченіе шестилѣтняго моего въ монастырѣ пребыванія, не только не почувствовалъ малѣйшаго прискорбія, но видѣлъ, напротивъ, постоянную къ себѣ любовь и дружбу, выѣхалъ я изъ Святой обители.»

Путешествіе отца Аникита было неспѣшное: онъ заѣзжалъ во всякой монастырь, лежавшій на пути его и вблизи отъ онаго; притомъ желалъ еще помолиться на гробъ родителей, съ принесеніемъ таинственной жертвы за упокой душъ ихъ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ покоятся бранные ихъ остатки, что и исполнилъ семидневнымъ отиравленіемъ литургій и панихидъ. 3 Июля отецъ Аникитъ при-

былъ въ Воронежъ и поспѣшилъ прямо на поклоненіе мощамъ Святителя Митрофана. «Я предполагалъ, говоритъ нашъ благочестивый странникъ, пробывать здѣсь не болѣе пяти дней: но Угодникъ Божій расположилъ иначе. Слава ему и благодареніе! Архіепископъ Воронежскій просилъ меня взять на себя послушаніе богоугодное—написать вновь житіе Св. Митрофана, съ составленнаго уже нѣкоторымъ усерднымъ читателемъ его. Зная свою немощь, устранился я предложенія Архипастырскаго: но имѣя твердое на Чудотворца упованіе, и въ лицѣ Святителя Антонія види его самаго, призывающаго меня къ благодати коснуться слабымъ моимъ словомъ великой славы Угодника Божія, я изъявилъ Преосвященному готовность исполнить волю его; и просилъ содѣйствія его Святыхъ молитвъ.» Окончивъ этотъ трудъ къ удовольствію Архипастыря, Іеромонахъ Аникитъ, удостоившійся между тѣмъ служить неоднократно литургію и въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, гдѣ почиваютъ Святыхъ мощи, и въ другихъ церквяхъ, отправился изъ Воронежа 17 Іюля, провождаемый благословеніемъ Преосвященнаго Антонія. 8 Августа онъ прибылъ въ Одессу. Въ это время въ Константинополь открылась моровая язва, заразила всѣ улицы и проникла въ предмѣстіе Перу. Столь неблагопріятное обстоятельство заставило отца Аникита остановиться въ Одессѣ. Ища безмолвія, онъ скоро переселился въ Успенскій, въ двѣнадцати вер-

стахъ, на берегу Чернаго моря лежащій монастырь, гдѣ и находился около осьми мѣсяцевъ. «Здѣсь, говоритъ достойный всякаго вѣроятія очевидецъ, въ обители и въ городѣ, весьма часто совершалъ онъ богослуженіе по вызову ревностныхъ Христіанъ, желавшихъ молиться съ нимъ, согрѣть сердце горячностью его вѣры и, назидаясь его примѣромъ, увѣриться въ утѣшительной истинѣ, что и въ наше время не *оскудѣ преподобный*» (12). Миѣ остается присовокупить, что отецъ Аникитъ съ искреннѣйшею признательностію исчисляетъ всѣхъ радушныхъ страннопріимцевъ своихъ, отъ Санктпетербурга до Одессы, и въ особенности приносить живѣйшую благодарность многимъ благодѣтельнымъ лицамъ, оказавшимъ ему усердное гостепріимство въ этомъ городѣ. Я не называю никого, чтобъ не оскорбить ихъ скромности: имена ихъ извѣстны Тому, Кто обѣщаль, что и чаша студеня воды, поданная во имя ученика Его, не останется безъ возмездія.

25 Апрѣля 1835 года, Іеромонахъ Аникитъ оставилъ монастырь, а 2 Мая самый городъ, *посѣвъ тайны*, по свидѣтельству того же очевидца, *много благихъ стѣмянъ* (13), и по двухсуточномъ плаваніи на пароходѣ, прибылъ въ Константинополь. Обозрѣвъ священ-

---

(12) См. показанную выше сташью Одесскаго Вѣстника.

(13) См. тамъ же.

ныя достопамятности древней столицы Христіанства, онъ посѣтилъ двухъ пребывающихъ тамъ Патріарховъ: Вселенскаго Константина и Іерусалимскаго Аѳанасія, и ѣздилъ нарочно на Антигону, одинъ изъ Принцовскихъ острововъ, для свиданія съ бывшимъ Патріархомъ Вселенскимъ, занимающимъ нынѣ мѣсто Архіепископа Синайской горы, Константиємъ, и, при благосклонномъ пріемѣ, получилъ ихъ благословеніе. 3 Іюня отецъ Аникитъ пустился въ дальнѣйшій путь на небольшомъ парусномъ суднѣ, и черезъ три дня пришелъ въ Дарданеллы, а 7 числа того же мѣсяца приблизился къ Аѳонской горѣ, но по причинѣ переменившагося вѣтра, не могъ пристать къ Сѣверовосточной оконечности ея, а долженъ былъ остановиться у монастыря Сиропотамскаго, одного изъ древнѣйшихъ на Святой горѣ, обладающаго неоцѣненнымъ сокровищемъ — великою частию животворящаго древа Креста Господня. Изъ этого монастыря переѣхалъ онъ верхомъ на мулѣ въ Рускій скитъ Св. Пророка Іліи, гдѣ Настоятель уступилъ ему для жительства свою келью, знаменитую тѣмъ, что строитель скита, извѣстный святостію житія, Ігуменъ Паисій (Молдавскій), жилъ въ ней и занимался переводомъ съ Греческаго на Славянскій языкъ книгъ: Добротолубія и Исаака Сирина. Въ сей обители, отслуживъ первую на Аѳонской горѣ литургію, основалъ онъ временное свое пребываніе, и отсюда объѣзжалъ постепенно всѣ Святогорскіе монастыри, питая духъ свя-

тынею и назидая себя примѣромъ богоугодной жизни отшельниковъ. При неоднократномъ посѣщеніи, такъ называемаго, Рускаго монастыря, въ которомъ живутъ впрочемъ Греки, отецъ Аникитъ согласилъ Игумена и братію устроить и освятить церковь во имя новоявленнаго Воронежскаго Чудотворца, для чего и вручилъ имъ денежную помощь изъ порученной ему на сей конецъ милостыни. 30 Июля онъ отправился на корабль въ Салоники, а 13 Августа оттуда въ Яфу, куда и приплылъ 1 Сентября. Переѣзжая такимъ образомъ изъ одного мѣста въ другое, онъ вездѣ принимаемъ былъ съ любовію, и при всякомъ удобномъ случаѣ не упускалъ совершать литургію, по большей части на Греческомъ языкѣ.

Наконецъ, по многихъ трудахъ и опасностяхъ, Іеромонахъ Аникитъ достигъ цѣли своего странствованія: 10 Сентября, въ пятомъ часу по полудни, Іерусалимъ открылся его изумленнымъ взорамъ. «Мы пали, говорить онъ, со слезами на землю и благодарили Господа. Тогда же оставивъ скотовъ своихъ, пошли пѣшіе ко вратамъ Святаго града, въ которыя вступили во исповѣданіи великихъ Божіихъ къ намъ недостойнымъ милостей, и вскорѣ достигли Патріаршаго монастыря. Здѣсь, получивъ отъ Митрополита Мисаила, Намѣстника Патріарха Іерусалимскаго, благословеніе, мы упокоились. На другой день, послѣ заутрени и обѣдни, совершили надъ нами, при священномъ пѣснопѣніи, древ-

ній обрядъ умовенія ногъ, и потомъ учредили насъ, какъ гостей. Послѣ вечерни, отверзли намъ храмъ Воскресенія. Приложившись къ камню Помазанія ароматами на погребеніе тѣла Господня, мы вошли въ притворъ Ангела и въ самый вертепъ Гроба.»

«Что реку и что возглаголю? — такъ начинается отецъ Аникитъ одно изъ писемъ къ близкимъ къ нему по плоти и по духу; что воздамъ Господеви о всѣхъ яже воздаде ми? Повергаюсь во прахъ предъ великимъ моимъ Благодателемъ, и славу и благодареніе принося Ему сердцемъ и устами, уничтожаюсь предъ Его неизреченною явившеюся на мнѣ благостію. Чуднымъ отеческимъ Божиимъ промысломъ я недостойный сподобился восхищенъ быть на небо и дышать святынею небесною, очистительною, оживительною, освячительною. Гробъ Господень не небо ли есть воистину? Не тамъ ли существенно обиталъ, аще и мертвъ плотію, еюже грѣхи наша понесе, въ вышнихъ Живый, жизни Податель, Творецъ всяческихъ? Не тамъ ли Побѣдитель ада, исхитивый насъ изъ челюстей его, побѣдилъ и мучительницу нашу смерть, воставъ отъ мертвыхъ, никѣмъ не возбужденный, Самъ силою Своею Божественною, яко область имый душу Свою положить за прегрѣшенія наша и паки пріяти за оправданіе наше? — Но какое слово, не токмо человеческое, ниже Ангельское, не довлѣтъ къ прославленію чертога славы Бога воплощеннаго.

Да молчитъ всяка плоть человѣча, и во Гробѣ Господнемъ да стоитъ со страхомъ и трепетомъ—не ужаса, но благоговѣнія, и да вѣруеть съ Іаковомъ Патріархомъ, яко гробъ сей малый есть домъ Божій и для земнородныхъ врата небесная. О! коликую благодать излілъ Господь на меня окаяннаго изъ сего источника уготованныхъ вѣрующимъ благъ, ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не въздоша!» Но до этого утѣшительнаго состоянія надлежало дойти путемъ крестнымъ, какъ увидите изъ продолженія того же письма. «Скорбь, яко стрѣла правды Божіей, праведно карающая грѣшника, пронзила мое сердце. Больше трехъ мѣсяцевъ, утро и вечеръ, днемъ и ночью, плакалъ я предъ Господомъ, и воистину исходяща водная изведостьъ очи мои, понеже не сохранихъ закона Его. Посѣтивъ главныя Святыя мѣста въ града, съ наступленіемъ поздней осени заключился я въ храмъ Воскресенія. Здѣсь, питаюсь хлѣбомъ и водою, провелъ я четыредесять дней, и дни сіи были для меня дни неба. Сокрушеніе сердца, умиленіе духа, слезныя токи, чашніе помилованія, теплѣйшее моленіе, особенно въ часы ночныя, въ безмолвіи великаго святилища; омерзѣніе ко всѣмъ прелестямъ міра, вседушное желаніе примириться съ Богомъ и жить Ему единому прочее живота своего времени, чтеніе слова Божія, съ дивнымъ просвѣщеніемъ отъ горъ Его вѣчныхъ, учащеніе на молитвы богослужебныя, а паче всего предъ-

стояніе, аки на небеси, при литургіяхъ, совершаемыхъ на Гробъ Господнемъ и на Святой Голгоѣ, содѣлали кающагося грѣшника блаженнѣйшимъ свыше слова. Матерь Милосердія, Царица Небесная не отринула раба своего, приметавашагося къ ней съ дерзновеніемъ непосрамленнаго упованія и повергавшаго предъ нею недостойныя молитвы на томъ мѣстѣ, гдѣ, по предреченію праведнаго Богопріимца, и Святую душу ея пронзилъ мечъ печали; и ходатайствомъ ея, и предстательствомъ усердно призываемыхъ Угодниковъ Божіихъ, приклонилъ Господь ухо Свое ко мнѣ и удивилъ на мнѣ милости Своей, такъ что дѣйствительно на мнѣ исполнилось слово: *идѣже умножися грѣхъ, преизбытокъ естъ благодать*. Отверженный паки призванъ предстоять лицу Господа своего, которое дивнымъ благоволеніемъ просвѣтилось къ нему, и не токмо не тощъ изиель изъ храма, но обремененъ дарами утѣшенія и радованія духовнаго. Трикратно удостоился я совершить Св. литургію на томъ самомъ гробовомъ камнѣ, на коемъ возлежалъ Господь, и послѣдній разъ во второй день Пасхи, и видѣлъ очами вѣры Пасху, пожренную за насъ, Господа Іисуса, встающаго съ побѣдою надъ смертію и адомъ. Небеснымъ восторгомъ горѣла душа моя, когда нечистыми устами воспѣвалъ я: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*, при священнодѣйствіи Божественныхъ Таинъ тамъ, во святилищѣ гроба Живодавца, гдѣ Онъ *воистинну воскресъ*

и насъ совоскреси съ собою. Слава, слава, слава воскресенію Твоему, Господи!—На Святой горѣ Голгоѣ, усыренной кровію Сына Божія, сподобился я грѣшный литургисать многожды, не разъ и во Святомъ Вифлеемѣ, гдѣ родился во плоти человѣческой *сый прежде вѣкъ Богъ нашъ*, многократно въ Геесиманіи на гробѣ Царицы Небесныя, воскрешенныя, по трехъ днехъ смерти, воскресшимъ Сыномъ ея Богомъ, во исполненіе словъ Пророчественныхъ: *воскреси Господи въ покой Твой, Ты и кивотъ (одушевленный) святыни Твоея*, а наконецъ и во Святомъ градѣ Назаретѣ, гдѣ совершилась вся начальная тайна нашего спасенія, *гдѣ сила Вышняго оспни чистѣйшую Ангеловъ Приснодѣву и Духъ Святый найде на ню*, и во чревѣ ея дѣвственномъ Слово плоть бысть, неотступль Своего Божества.»

Послѣ такого краснорѣчиваго о себѣ повѣствованія, въ которомъ отъ избытка признательности обнажилась душа отца Аникита и открылось намъ его сердце, я не буду уже слѣдовать за нимъ по Святымъ мѣстамъ Палестины; не могу однако преить молчаніемъ случившагося съ нимъ въ Іерусалимѣ происшествія, показывающаго всю глубину его смиренія. Въ самый Новый Годъ, желая принять благословеніе Митрополита Мисаила, онъ, при входѣ въ кельи его, былъ встрѣченъ съ грубостію нетрезвымъ привратникомъ, который осмѣлился даже нанести ему ударъ.

Вспомнивъ пророчество Исаи: *плещи мои вдахъ на раны и ланитъ на заушенія*, съ такою точностію исполнившееся надъ Спасителемъ нашимъ въ виду того самаго мѣста, гдѣ нанесено служителю Божию оскорбленіе, онъ послѣдовалъ примѣру Божественнаго Учителя своего и отвѣчалъ съ незлобіемъ: *что мѣ бѣши?* И когда справедливо разгнѣванный Архипастырь велѣлъ наказать дерзкаго слугу, отецъ Аникитъ, усерднымъ ходатайствомъ своимъ, испросилъ ему помилованіе.

Пробывъ въ предѣлахъ Святой земли около семи мѣсяцевъ въ непрестанныхъ подвигахъ, перенесши съ удивительнымъ терпѣніемъ труды путные, верхомъ, на пространствахъ болѣе пятисотъ верстъ, и разныя приключившіяся ему въ это время напасти и болѣзни, Иеромонахъ Аникитъ отправился обратно 7 Апрѣля 1836 года. «Отслушавъ, говоритъ онъ, заутреню и обѣдню въ монастырѣ Св. Архистратига Михаила (гдѣ имѣлъ пребываніе), поспѣшилъ я въ храмъ Воскресенія, и тамъ, на Голгоѣ, изліавъ душу мою въ слезной молитвѣ, поклонился послѣднимъ поклоненіемъ, облобызавъ послѣднимъ лобзаніемъ Пресвятый и живопріемный Гробъ Господень, отъ коего паче солнца возсіяла на меня, омраченнаго грѣхами, неизреченная благодать Божія. Отъ сего священнѣйшаго мѣста, гдѣ струились еще моленія мои предъ Сердцевѣдцемъ, я отторгнуть былъ извѣщеніемъ, что всѣ мои спутники готовы къ отъѣзду.»

«Я думалъ, продолжаетъ отецъ Аникитъ, прежде возвращенія въ Отечество, по крайней мѣрѣ одинъ годъ побезмолвствовать на Афонской горѣ: но не такъ судилъ Господь, вѣдущій лучше насъ что намъ на пользу. Лишь только я вѣхалъ въ Яфу, какъ встрѣченъ былъ отъ Консула увѣдомленіемъ о назначеніи меня Святѣйшимъ Синодомъ къ церкви нашей при Посольствѣ въ Аѳинахъ. Не взирая на всю невыгоду этого назначенія въ отношеніи къ моему намѣренію, ибо, вмѣсто иноческаго богомысленнаго уединенія, долженъ былъ вступить въ шумный городъ, поелику я видѣлъ въ семь дѣлъ перстъ Божій, *онѣмъхъ и не отверзохъ устъ моихъ, яко Ты сотворилъ еси.*»

10 Апрѣля Іеромонахъ Аникитъ отправился изъ Яфы на корабль, который, черезъ два дня, спустился отъ крѣпкаго вѣтра къ острову Кипру. Здѣсь, въ храмѣ Св. праведнаго друга Христова Лазаря, онъ поклонился части мощей и Святому гробу его. Отплывъ отъ Кипра 18 того же мѣсяца, достигъ знаменитаго въ Исторіи Церкви Христіанской острова Патмоса не прежде 30 ночью, при чемъ корабль потерпѣлъ, входя въ заливъ, отъ сильной бури съ грозой. «Сынъ Грома, замѣчаетъ богомудрый путешественникъ, возгремѣлъ для возбужденія нашего въ страхъ Господень.» Въ честь сего великаго Святаго, *егоже любляше Іисусъ*, сподобился отецъ Аникитъ отправить всенощное бдѣніе въ той

пещерѣ; обращенной нынѣ въ церковь, гдѣ Апостолъ Христовъ, дѣвственникъ, Пророкъ, Богословъ и нареченный сынъ Божіей Матери писалъ Евангеліе, котораго первыя слова слышалъ свыше при страшномъ звукѣ грома, потрясемъ всю пещеру и тричастно расколовшемъ сводъ ея, что и теперь видно. Плаваніе отъ Патмоса до Аѳонской горы продолжалось, за противными вѣтрами и за мало-вѣтріемъ, отъ 3 до 9 Мая. Въ этотъ день отецъ Аникитъ сошелъ на берегъ въ Рускій монастырь, гдѣ, по посѣщеніи нѣкоторыхъ другихъ обитателей, онъ началъ, а довершилъ въ Рускомъ скиту Св. Пророка Іліи, куда скоро переѣхалъ, сорокодневное служеніе литургій, по обѣту, данному у Гроба Господня, въ возблагодареніе за оказанныя ему тамъ Всевышнимъ милости. Какъ условленное устроеніе въ Рускомъ монастырѣ храма во имя Св. Митрофана, по нѣкоторымъ препятствіямъ, не состоялось, отецъ Аникитъ заложилъ сей храмъ въ скиту, съ подобающимъ священнодѣйствіемъ, которое совершалъ Греческій Архіепископъ Пагиратій. Передавъ одному изъ братій, изъявившему готовность оказывать въ этомъ дѣлѣ ближайшее содѣйствіе, возвращенный изъ Рускаго монастыря вкладъ и присовокупивъ новое, доставленное ему изъ Россіи отъ благочестивыхъ лицъ даваніе, Іеромонахъ Аникитъ 3 Августа отправился, а 12 прибылъ въ Аѳины.

Обратимся теперь къ этому мѣсту его служенія и скажемъ нѣсколько словъ о его туда опредѣленіи. Правительство наше, въ неослабномъ попеченіи о благосостояніи Православной Восточной Церкви, никогда не преставало принимать участіе въ судьбѣ народовъ намъ единовѣрныхъ, и потому не могло не соблаговѣствовать о бѣдственномъ положеніи, до коего, въ слѣдствіе несчастныхъ событій, доведены были въ Греціи и Церковь и Духовенство, лишенные притомъ и призрѣнія Константинопольскаго Патріаршаго престола. Въ началѣ 1833 года, когда обстоятельства подавали уже надежду, что вскорѣ возстановлены будутъ миръ и законный порядокъ, признано за благо приступить къ возобновленію нашихъ духовныхъ сношеній съ симъ краемъ, и для того имѣть при тамошней нашей Миссіи довѣренное изъ Рускаго Духовенства лице, съ возложеніемъ на него же распредѣленія между бѣднѣйшими Греческими церквами и людьми духовнаго чина предназначеннаго для нихъ пособія. Въ это званіе, съ Высочайшаго соизволенія, назначенъ тогда же первовласнаго Толгскаго монастыря Архимандритъ Иринархъ, на три года. По истеченіи сихъ срочныхъ лѣтъ, онъ вызванъ обратно, а на его мѣсто надлежало послать другое духовное лице, съ требуемыми для того качествами и способностями, и выборъ Святѣйшаго Синода палъ на Иеромонаха Аникита.

Исполняя обязанности новаго званія, и укрѣпляясь, при частомъ богослуженіи, хлѣбомъ небеснымъ и чашею жизни, отецъ Аникитъ нерѣдко въ благоговѣйномъ восторгѣ переносился мыслями во Святый градъ и взывалъ отъ полноты сердца: *еще забуду тебе, Иерусалиме, забвенна буди десница моя, еще не помяну тебе, еще не предложу Иерусалима, яко въ началъ веселія моего.* Съ другой стороны, онъ не переставалъ вздыхать о монашескомъ безмолвіи, и душа его алкала вселенія на Святую гору, для спасительнаго упокоенія, послѣ коего намѣревался возвратиться въ отечество и провести остатокъ дней въ Юрьевской обители, которую называлъ *матерью Святою*, породившею его въ чинѣ Ангельскій.

Во Аѳинѣхъ же раздражашеся духъ его въ немъ. Возрожденная Греція не представляла ему ничего утѣшительнаго. Церковь Новогреческая, отдѣлившись отъ Константинопольскаго Патріарха, безъ его благословенія составила себѣ порядокъ управленія, отъ него независимый; и это разъединеніе вѣрныхъ угрожало Православію. Духовенство коснѣло въ невѣжествѣ, и никакого не было прилагаетъ попеченія, чтобъ вывести его изъ сего плачевнаго состоянія. Настоящее поколѣніе народа возрасло въ кровопролитіи за свободу, не имѣя времени заняться внутреннимъ усовершенствованіемъ себя посредствомъ воспитанія въ страхъ Божіемъ; съ прекращені-

емъ же войны, начальное образованіе перешло не малою частію въ руки людей чуждыхъ намъ по вѣрѣ, которые на свой счетъ завели тамъ училища, дабы пользоваться непросвѣщеніемъ и бѣдностію жителей, привлекать къ себѣ дѣтей ихъ, внушать имъ свои заблужденія и посѣвать плевелы на нивѣ Церкви Православной.

По прошествіи пяти мѣсяцевъ по прибытіи въ Аѳины, здоровье Іеромонаха Аникита начало увядать отъ возвратившихся къ нему сильныхъ припадковъ (14), отъ коихъ онъ страдалъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ и неоднократно приводимъ былъ въ опасное положеніе. Къ сему присовокупилась нечаянная скорбь о бѣдствіи, постигшемъ Рускій Святогорскій скитъ. Одинъ изъ единомысленцевъ нашихъ, поклонникъ Св. Гроба, возвратившись туда изъ Константинополя, привезъ съ собою чуму, и самъ прежде всѣхъ палъ ея жертвою; въ слѣдъ за нимъ болѣе двадцати братій и посѣтителей, а въ числѣ первыхъ и самъ Настоятель, переселились въ вѣчность. При этомъ же несчастномъ случаѣ сдѣлался добычею заразы и Схимонахъ Теодоръ, принявшій на свое попеченіе строеніе церкви во имя Святителя Митрофана. Немногіе уцѣлѣвшіе отъ свирѣпства моровой язвы иноки, почитая Іеромонаха Аникита за отца и покровителя, по уваженію, которымъ онъ пользовался и между Греческимъ Духовенст-

---

(14) Геморроидальныхъ.

вомъ и отъ нашихъ Посланниковъ и Консуловъ, убѣдительно призывали его къ себѣ какъ для устройства ихъ обители, такъ и для возведенія заложенаго храма. Сии причины побуждали его безотлагательно просить увольненія отъ должности, и Святѣйшій Синодъ, въ концѣ Апрѣля 1837 года, распорядился о присканіи въ Аѳины другаго Священнослужителя.

Между тѣмъ хроническая болѣзнь Іеромонаха Аникита, сопровождаемая обильными кровотечениями, возрастала съ разрушительною силою и наконецъ довела его до совершеннаго истощенія. Не взирая однако на крайнее разслабленіе, онъ заставлялъ водить себя въ церковь Посольства, и тамъ, оживляемый благодатію Божіею, продолжалъ священнодѣйствовать. Такъ протекли великіе дни Четырнадцатницы и Святая Пасха. Свирѣпство недуга повидимому укротилось, но свѣтильникъ жизни уже потухалъ отъ его губительнаго дѣйствія. Позднія старанія медиковъ, въ числѣ коихъ находился и Старшій Королевскій Врачъ, оказались безуспѣшными. Изнеможенный труженикъ, давно умершій для міра, смотрѣлъ безъ страха на приближавшуюся къ нему тихими шагами смерть, къ принятію коей готовился такъ долго. «Свидѣтели мучительныхъ припадковъ и послѣдней съ нею борьбы отца Аникита не слыхали изъ устъ его ни одной жалобы, не замѣтили въ немъ ни малѣйшаго нетерпѣливаго движенія, не могли

уловить ни одного вздоха. Народъ, жадно внимавшій ему дотола у алтаря Господня, лишь только свѣдалъ о болѣзни челоуѣка Божія, толпами бросился въ его келью. Съ утра до вечера старцы, взрослые, женщины и дѣти окружали одръ страдальца, стоя на колѣняхъ. Начальство Миссіи увидѣло себя принужденнымъ запретить приходящимъ входъ, чтобъ уменьшить стеченіе многолюдства ко вреду больного» (15). На вопросъ, не хочетъ ли сдѣлать завѣщанія, онъ отвѣчалъ: «я монахъ; отдайте все, что останется, въ скитъ Пророка Іліи.» Принявъ съ пламенною вѣрою елееосвященіе и удостоившись, 6 Іюня, наканунѣ праздника Сошествія Св. Духа, причаститься Святыхъ Таинъ въ полной памяти и ненарушимомъ спокойствіи, Священноинокъ Аникитъ, рано на другой день, при повтореніи: «пора, пора въ Іерусалимъ!» скончался съ миромъ.

Погребеніе его, по обрядамъ нашей Церкви, совершено торжественно 10 числа Аѳинскимъ Епископомъ, со всѣмъ его причтомъ, при многочисленномъ стеченіи народа. По произнесеніи Преосвященнымъ надгробнаго слова, всѣ присутствовавшіе не могли удержаться отъ слезъ: они плакали о чужеземцѣ, едва только девять мѣсяцевъ находившемся межъ ними. Такъ сильно дѣйствуетъ на сердца истинное благочестіе! Тѣло преставившагося, не смотря на существующее въ Греціи постано-

---

(15) См. *Одесскій Вѣстникъ*.

вленіе, коимъ воспрещается хоронить въ церквахъ, положено въ находящемся близъ города Архангельскомъ монастырѣ, во уваженіе общаго благоговѣнія, внушеннаго добродѣтелями и строгою жизнію сего достойнаго Священнослужителя (16). Найденное послѣ него имущество доставлено въ скитъ: оно состояло въ иконахъ, ризницѣ и книгахъ. Другаго рода обильное и притомъ нетлѣнное богатство оставилъ онъ въ посвященномъ имъ Евангельскомъ ученіи, которое утверждалъ примѣромъ собственной богобоязненной жизни, дѣятельной вѣры и Христіанскаго смиренія. Отецъ Аникитъ умеръ на пятьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія: но богоугодная *старость не въ число лѣтъ исчисляется*; небесная мудрость, которой онъ посвятилъ себя, давно уже убѣдила его сѣдинами разума, и онъ созрѣлъ для вѣчности.

По исполненіи такимъ образомъ возложенной на меня, въ отношеніи къ утраченному нами Сочлену, обязанности, позвольте мнѣ, Милостивые Государи, обратиться къ нему, какъ къ брату, другу, благодѣтелю, и дать свободу чувствованіямъ, коими преисполнена душа моя, и которымъ излиться препятствовали доселѣ приличія Академическаго чтенія. Прими, побѣдный воинъ Христовъ, сей

---

(16) Такъ сказано въ письмѣ къ Сочинителю отъ Посланника нашего въ Лепнахъ.

трудъ, совершенный не столько въ память твою; сколько во славу Бога, умудрившаго тебя во спасеніе; пріими сей посильный трудъ, какъ слабое проявленіе моей безпредѣльной признательности. Ты не оставилъ съ-
тующимъ объ отшествіи твоёмъ и самой отрады видѣть прахъ твой, который навсегда сокрыла отъ насъ земля чуждая: пусть же по крайней мѣрѣ это свромное начертаніе твоей жизни, на которомъ лежитъ печать истины, послужить имъ утѣшеніемъ. Можетъ быть, величіе твоихъ доблестей, даже и тускло отражающееся въ семъ безыскусственномъ зеркалѣ, подвигнетъ чье либо сердце къ подражанію тебѣ; и если ты возрадуешься о спасеніи хотя одного изъ ближнихъ, цѣль труда моего достигнута. Привѣтствую остатки тебя самаго твоими собственными словами:

А ты, священный прахъ, до пакибытія,
Покойся въ пишинѣ глубокой, безнавѣтной.
Тогда изникнешь ты изъ тѣмы и сѣни смертной;
Какъ огненнозлапый, спрѣлыбыспрѣйшій лучъ,
Сверкающій спруей изъ шолци черныхъ тучъ,
Изъ гроба возблещишь во славѣ боголѣпной,
И съ плескомъ воспаришь, и съ пѣснью хвалебной,
И самъ себѣ дивясь въ восторгѣ поржества,
Поклонишься лицу благаго Божества (17).

---

(17) См. *Ночь на гробахъ*, стран. 47.

